

Этика риска в работе Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия»*

А. Н. Сунами, И. Д. Осипов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Сунами А. Н., Осипов И. Д. Этика риска в работе Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 275–291. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.118>

Статья посвящена разбору этической концепции риска представленной в центральной работе Р. Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974) (главы «Запрет, компенсация и риск» и пререквизитов), одного из наиболее влиятельных представителей современной западной политической философии. Несмотря на то что наряду с «Теорией справедливости» Д. Ролза данная работа является наиважнейшей для современного западного дискурса о моральных основаниях политики, включенная в нее в качестве необходимого элемента концепция риска до сих пор почти никогда не становилась предметом подробного рассмотрения в отечественной исследовательской традиции. Погружая нас в сложный водоворот современной академической дискуссии, строящейся вокруг идеи «общества риска» У. Бека и других теорий риска, авторы соотносят ключевые вопросы о справедливости в продуцировании и потреблении рисков, их дистрибуции, конфликтного взаимодействия сторон риска отношений с положениями, сформулированными в исследуемой работе. В статье прослеживается путь, пройденный Р. Нозиком, от постановки вопроса о необходимости государства как такового до моральных оснований запрета, риска и компенсации в условиях естественного состояния. Особое внимание уделяется очерченным философом возможным реакциям на рискованные действия и коллизиям их морального оправдания. В результате проведенного анализа, авторы приходят к выводу, что этическая концепция риска Р. Нозика позволяет выделить несколько важных вопросов, без ответа на которые невозможно подступить к решению проблемы конституирования морально оправданных регуляторов риск-отношений: 1) возможна ли в принципе справедливая система дистрибуции рисков и компенсаций, 2) необходимо ли включать в пакет обмена риск-рефлексию, т. е. страх, испытываемый потенциальными жертвами рискованного действия.

Ключевые слова: политическая философия, моральная философия, Р. Нозик, минимальное государство, риск, компенсация, этика риска, справедливая дистрибуция рисков, производитель рисков, потребитель рисков, риск-рефлексия.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Увидевшая свет в 1974 г. книга Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» стала своеобразной визитной карточкой американского философа. Возможно, благодаря тому, что была для автора дебютной крупной формой, но, безусловно, не только в связи с этим обстоятельством. На следующий год после публикации книга принесла автору одну из самых престижных американских наград в области литературы — Национальную книжную премию в номинации «Философия и религия». И, конечно, эта книга сделала его настоящей «иконой» либертарианцев со всех уголков земного шара, которой он остается и по сию пору. И, если для русскоязычного читателя эта работа стала доступна только в XXI в., для западной философии к настоящему времени «Анархия, государство и утопия», наряду с «Теорией справедливости» Джона Ролза, является классическим, обязательным к изучению трудом по новейшей политической философии. Но прежде чем перейти к разбору интересующего нас аспекта книги, а именно этики риска, необходимо сначала обозначить острые вопросы, окаймляющие проблематику риска, что должно позволить нам подойти более подготовленными к полемичному изложению концепции Роберта Нозика.

Научный интерес к проблеме риска, ярко проявившийся во второй половине прошлого века, на начальном своем этапе вполне успешно обходился без философии вообще и тем более без моральной философии. Но сама постановка вопроса таким радикальным образом, как это делает, например, Ульрих Бек, заявляя об «обществе риска», вряд ли могла позволить философам и далее оставаться в стороне. Но на какой основной вопрос должна отвечать философия риска? Вероятно, на тот, чем является риск в своей базовой интерпретации? Эта история, о которой мы не знаем, случится ли она. Мы знаем, что она возможна. Если мы точно знаем, что нечто случится — это уже не риск. Таким образом, риск, как знание о неизвестном, рождает множество интересных эпистемологических сюжетов. Свен Ове Ханссон указывает на некоторые из них. Например, рискованными могут выглядеть исследования объектов, о которых мы пока еще не имеем твердых и достоверных знаний. В частности, можно ретроспективно пожалеть об исследованиях атома, приведших в конечном счете к реальной опасности уничтожения человечества. Но так недалеко и до прекращения любых научных исследований в принципе, ибо каждое из них с разной степенью вероятности может привести к негативным последствиям. Тем не менее очевидно, что мы обязаны серьезно отнестись к некоторому числу отдаленных во времени альтернатив. Но каким образом мы можем дифференцировать малоизученное, а то и вовсе неизвестное, на опасное или нет? «Нам нужны концепции и крите-

рии для систематического обсуждения таких вопросов, но пока очень мало было проведено исследований того, как оценивать эпистемологическую достоверность в таких случаях» [1].

Конечно, подобная рефлексия весьма увлекательна, но в рамках данной работы нас интересует именно моральная философия. С какой стороны мы могли бы подойти к сложной теме этики риска. Возвращаясь к Ульриху Беку, вспомним еще один его знаменитый тезис о смене в современном мире логики «распределения богатства в обществе» «логикой распределения риска» [2, р. 13]. Таким образом, можно предварительно утвердиться в мысли, что главная задача, которая стоит перед моральной философией риска — разработка фундированных критериев справедливости такого распределения. В практическом плане значимость вопроса очевидна, поскольку риски иерархичны и им в большей степени подвергаются слои общества, наименее всего способные к минимизации его последствий. И в этом плане совершенно не случайно выглядит то, что Роберт Нозик, выстраивая свою собственную «теорию справедливости», в конечном счете пришел к необходимости затронуть проблему рисков. Конечно, мы не можем умолчать о довольно-таки широко распространенном мнении, наиболее просто сформулированном Питером Валлентайном, что Роберт Нозик на самом деле «никогда не объясняет понятие справедливости» [3, р. 145], но тонкости возможных интерпретаций будут нами рассмотрены дальше и только в той части, которая касается рисков. Тем более что основательная ревизия «справедливости по Нозику» требует привлечение других, более поздних его работ, как минимум «Философских объяснений» (1981), где его позиция касательно того, всегда ли справедливо принудительно обеспечивать соблюдение прав, как представляется, трансформируется в гораздо более определенное высказывание в пользу такого утверждения в сравнении с изложенным в «Анархии, государстве и утопии» [4, р. 499].

Не требует особых доказательств утверждение, что обозначенная выше специфика риска делает задачу поиска механизма его справедливого распределения довольно-таки затруднительной. Так, например, Мэдлин Хайенхельм замечает, что в отличие от товаров, количество которых мы хотим как увеличивать, так и справедливо распределять, риски — это то, что мы хотим уменьшить, а может быть и вовсе избежать, а уже потом справедливо распределять [5]. Очевидно, что мы вновь сталкиваемся с упомянутой в самом начале проблемой, что риск — это все-таки вероятное событие, а не совершенное. Таким образом, мы работаем со справедливостью события, которое еще не произошло, но может произойти.

Очевидно, ученый, который ставит перед собой цель, например, отрефлексировать справедливость дистрибуции рисков, связанных с пандемией COVID-19, будет вынужден прибегнуть к следующей процедуре. Во-первых, задуматься об обосновании тех или иных рискованных действий (уровень риска и страдающие группы). Во-вторых, определить способы кооперации, профилактики, компенсации, короче говоря, всего того, что должно выровнять несправедливое воздействие рисков на различные социальные группы.

Вместе с тем это, конечно, не освобождает нас от размышлений: возможны ли случаи, когда справедливо производителю риска или регулятору, например государству, уклониться от равного распределения рисков. И о том, какие средства могут быть морально оправданы для равномерного распределения рисков по социальной структуре.

С другой стороны, а как быть с вероятным доминированием производителей риска над его потребителями. Опираясь на высказывания Джойса Хукера и Уильяма Уилмота, такое доминирование имеет тенденцию сводить все возможные реакции доминирующего производителя риска на претензии в свой адрес к двум альтернативам — «либо ты против меня, либо со мной». А риск при таком доминировании должен соответствовать двум критериям: производитель риска должен контролировать его последствия, а потребитель риска только лишь негативно его воспринимать [6].

Значит, вопрос о справедливости дистрибуции рисков вовсе не является только лишь занимательной задачей для ума, а имеет сугубо практическое значение как для «общества риска» Ульриха Бека, так и для «минимального государства», проектируемого Робертом Нозиком в рассматриваемой работе. Можно обоснованно допустить, что «общество риска» и «минимальное государство» должны быть буквально испещрены конфликтами, возникающими из-за несправедливой дистрибуции рисков, которые, в свою очередь, могут быть распределены на следующие более частные случаи:

- выражения неудовлетворенности или несогласия потребителей риска с производителями риска, с процессом и продуктом опасностей;

- различий во мнениях о виновных за риск;

- борьбы за контроль над риском и различные перспективы принятия и избегания риска;

- осознаваемое расхождение интересов (возможное или доведенное до «точки кипения») между теми, кто «подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду», и между теми, кто «производит риски, и теми, кто их потребляет» [7, р. 666].

И несмотря на то что, на первый взгляд, сверхиндивидуалистический подход Роберта Нозика максимально удаляет нас от возможности установления прочной и обеспеченной надзором гармонии между различными участниками риск-отношений, может быть, именно такие резонансные и для многих скандальные попытки деконструкции привычного и могут нам дать что-то новое для решения проблем, безуспешным попыткам решения которых мы уже потеряли счет. Подкрепить такое парадоксальное заключение уместно высказыванием Грегори Робсона о Роберте Нозике, что тот в числе прочих, кто использовал «предпринимательский подход» к политическим экспериментам, кое-что понял: «гражданские эксперименты с различными формами политической жизни учат нас тому, как лучше жить вместе [8, p. 90].

Как утверждает Дуглас Маклин, до недавнего времени философы-моралисты в значительной степени игнорировали вопросы этики действий, продуцирующих риски, которые в конечном счете могут или не могут привести к фактическому ущербу [9]. И это несмотря на то, что многие из наших действий явно связаны с риском и навязыванием риска другим. И с высокой долей вероятности Роберт Нозик был первым в современной моральной философии, кто подробно обсудил этические вопросы, связанные с риском. Перейдем же непосредственно к тому, как автор разворачивает перед читателем свою этику риска.

Начать, естественно, нужно с того, на что похожа условная «Вселенная Роберта Нозика», в какой мы остро нуждаемся в этике риска. Для всех, кто хоть немного знаком с работой, не является секретом, что в ней автор выступает своеобразным амбассадором «минимального государства», у которого возможностей вмешательства в жизнь индивида еще меньше, чем у «государства — ночного сторожа» либералов. Короче говоря, замысел в том, чтобы сконструировать такое государство, которое не пересекало бы границы, за которыми оно бы переставало быть морально оправданным. Исходной позицией, с которой стартует мыслитель в своем труде, является теория «естественного состояния» в версии Джона Локка. Роберт Нозик задается вопросами, которые он сам считает архаичными, а именно: «Если бы государства не существовало, была бы необходимость в том, чтобы его изобрести? Была бы в нем нужда и следовало бы его изобретать?» Такие вопросы встают перед политической философией и перед теорией, объясняющей политические явления, и ответ на них дает исследование «естественного состояния» [10, с. 21]. По мнению философа, именно вопрос о необходимости государства как такового является фундаментальным для политической философии, а вовсе не вопрос о том, каким образом оно должно быть устроено. Как замечалось в од-

ном из самых первых больших обзоров, опубликованном вскоре после выхода книги: «минимальное государство Нозика — это не политический заказ, а коммерческое предприятие: своего рода страховая компания, которая продает людям защиту от вторжения других в их индивидуальные права» [11, р. 177].

И для того чтобы сконструировать реальность, альтернативную существующей, Роберт Нозик предлагает всем нам совершить путешествие в 1689 г., когда Джон Локк написал свои бессмертные «Два трактата о правлении». Ведь все эти три сотни лет мы занимались бесполезным делом, отвечая на вопрос: как нам устроить государство, вместо того чтобы сначала решить: нужно ли оно как таковое или, говоря словами автора, «фундаментально объяснить политическое через неполитическое». Не обращая внимание на столь характерные для современной философии пассажи, используемые автором, как то: «объяснения сферы политики, исходящие из теории естественного состояния, являются фундаментальными возможными объяснениями этой сферы и соединяют ясность с силой объяснения, *даже если не являются истинными*» [10, с. 27]; или там же: «мы многое начинаем понимать, глядя на то, как могло возникнуть государство, *даже если оно таким образом и не возникло*», сфокусируемся непосредственно на том, какую альтернативную линию автор выведет из корневища локковского «естественного состояния». При чтении текста возникает аналогия с компьютерной игрой, в которой мы, в отличие от прочих незадачливых геймеров, успели сохраниться и теперь у нас есть возможность вернуться к этой точке сохранения и начать игру заново. Очевидно, что искомой точкой сохранения является естественное состояние, но существует еще и точка невозврата — момент, в котором Джон Локк, допустив, что в естественном состоянии есть свои неудобства, назвал государство «подходящим средством» избавления от них [12, с. 269]. В миг, когда эти слова легли на лист, политическая философия пошла по невозвратному пути. Роберт Нозик предлагает нам вернуться в мгновение перед этим и еще раз, более ответственно, чем великий англичанин, обдумать все способы избавления человека от неудобств естественного состояния, без навьючивания на несчастного, вероятно, гораздо более «неудобного» неудобства в виде «гражданского правления». В общем, как начертано на обложке одного из изданий книги: «Enjoy your journey». Автор пишет буквально следующее: «...только после того, как использованы все ресурсы естественного состояния, т. е. все добровольные меры и соглашения, которых могут достичь люди, действуя в пределах своих прав, и только после того, как мы оценим результат, можно будет понять, насколько

значительны оставшиеся неудобства, от которых избавляет государство, и оценить, не является ли лекарство хуже болезни» [10, с. 30].

Главное неудобство естественного состояния, по Джону Локку, заключается в том, что люди всегда и все трактуют в свою пользу и что любая попытка отдельного человека защитить свои права, приводит к конфликтам и бесконечным усобицам. Бесконечным в прямом смысле слова, ибо защита своих прав приводит к ущемлению прав оппонента, который в попытке компенсировать этот ущерб в свою очередь попытается нанести урон обидчику, — и так по кругу. Даже если одна из сторон усобицы вдруг захочет разорвать этот круг, ее соперник не может быть уверенным в искренности такого намерения и того, что конфликт действительно исчерпан. Короче говоря, отсюда и возникает потребность в независимом арбитре, да еще и обладающем силой для претворения в жизнь своих вердиктов. В качестве снятия такого неудобства, не предусматривающего создания государства в известном нам виде, Роберт Нозик предлагает «защитные ассоциации». Что это такое?

Под защитными ассоциациями автор понимает охранные агентства, основанные на естественном праве каждого человека «самостоятельно обеспечивать охрану своих прав, защищать себя, взыскивать возмещение и наказывать» и объединяться с другими для взаимной защиты [10, с. 31]. И, собственно, идея такого рода частных «защитных ассоциаций» и должна стать эдакой «нитью Ариадны», способной вывести нас из мрака лабиринта государства-Минотавра.

На протяжении еще нескольких страниц автор освещает различные, более частные вопросы, которые касаются непосредственного осуществления защитными ассоциациями своих функций, нас же интересует то, как из вероятного множества таких естественных структур может вырасти минимальное государство. Роберт Нозик утверждает, что условный рынок охранных услуг неизбежно будет стремиться к монополизации и тому есть вполне ясные объяснения. Первоначально в одной локации стихийно возникают несколько защитных ассоциаций, каждая из них действует на всей территории, но при этом защищает только своих клиентов. В этом случае неизбежно возникают конфликты между клиентами разных агентств, и если между этими агентствами при разборе дела не возник консенсус, они будут вынуждены вступить между собой в борьбу. Автор очерчивает три пути развития ситуации в таких случаях, при этом все три пути, по сути, ведут в одну точку — возникновения общей системы права на этой территории или, в терминологии философа, доминирующей защитной ассоциации. В первом случае индивиды постепенно отказываются от часто проигрывающих ассоциаций в пользу успешной, которая в конечном счете забирает себе всех клиентов и остается одна.

Во втором — внутри одной территории возникают линии размежеваний между клиентами разных ассоциаций, в результате чего когда-то единая территория распадется на автономные провинции вокруг своей доминирующей ассоциации. И, наконец, в третьем случае, различные агентства создают третейский суд, к которому обращаются, если не могут разрешить спор на своем уровне, и такой третейский суд становится чем-то вроде суперзащитной ассоциацией. Таким образом, как предполагает автор, «под давлением стихийно образованных групп, взаимных защитных ассоциаций, разделения труда, влияния рынка, эффекта масштаба (снижения издержек по мере роста объемов производства) и разумных личных интересов из состояния анархии вырастает нечто, очень напоминающее минимальное государство или группу географически разделенных минимальных государств» [10, с. 37–38].

Теперь остается выяснить, не является ли доминирующая защитная ассоциация тем же самым государством, создания которого мы пытались всеми силами избежать, а если не является, способна ли в полной мере заменить его в деле избавления от неудобств естественного состояния. Отвечая на первый вопрос, Роберт Нозик говорит, что ни в коем случае доминирующая защитная организация не является государством. Во-первых, при всем своем доминировании, она не претендует на монополию применения силы. Во-вторых, у нее отсутствует перераспределительная миссия, ибо она предоставляет охранные услуги только тем, кто за них платит, более того, пакет предоставляемых услуг может быть различным в зависимости от желаний и возможностей клиентов. Стоит отметить, что мысль о том, что претензия на монополию применения силы и наличие перераспределения главным образом отличают государство от всего, его напоминающего, у многих ученых, взявших на себя труд ознакомиться с книгой, предсказуемо не вызвала сочувствия. Так, Марк Френсис в своей рецензии пишет, что это «плохое определение [государства]», ибо «в некоторых государствах право на применение силы обладает большое количество людей... а частные охранные ассоциации иногда претендуют на право защищать всех, кто находится на территории» [13, p. 161]. Но так как изначально автор предупредил нас, что его труд будет прямо-таки изобиловать разного рода допущениями, да и в целом он не намерен обосновать свои выводы опорой на какие-либо кейсы, простим ему и этовольное обращение с категорией «государство».

Что же до вопроса, дотягивает ли защитная ассоциация до государства в плане исполнения функций, выпадающих из-за отсутствия последнего, то, отвлекшись на решение «важных вопросов», касающихся моральных ограничений индивида, автор сообщает, что «система част-

ной защиты, даже когда на данной территории доминирует одно охранное агентство, как представляется, недотягивает до государства» [10, с. 77–78]. Более того, оно не является ни минимальным, ни даже «ультраминимальным» государством. После такого безапелляционного вердикта мы как будто бы вновь сталкиваемся с неразрешимой задачей. Ведь получается, что для достижения необходимого минимального уровня функциональности, доминирующей ассоциации нужно получить монополию на силу вкупе с перераспределением, а именно эти два обстоятельства и вызывают критику традиционного государства со стороны анархистов, вплоть до признания его аморальным. И как же выбраться из этого замкнутого круга? Автор предлагает нам следующий алгоритм:

- 1) показать, как из системы частных защитных ассоциаций возникает ультраминимальное государство;
- 2) показать, как ультраминимальное государство переходит в минимальное государство, предоставляющее услуги по защите всем;
- 3) найти моральные оправдания обоим переходам [10, с. 79].

К этому необходимо присовокупить, что позиция автора в целом такова, что третий, четвертый и все последующие переходы, которые могут последовать за минимальным государством, никому и никогда не удастся морально обосновать. В силу этого минимальное государство не может морально обоснованно эволюционировать в нечто, напоминающее современное государство. Вот с таким набором пререквизитов мы и подходим к главе 4 «Запрет, компенсация и риск», которая из всей работы является для нас наиболее интересной.

К проблеме того, как риск и связанные с ним феномены, с которыми мы сталкиваемся в привычном для нас политически-структурированном мире, выглядят в условиях естественного состояния, Роберт Нозик приходит через цепь рассуждений. Исходная посылка такова: а что будет, если на территории, где действует доминирующее охранное агентство, да и вообще любая защитная ассоциация, будут проживать индивиды, которые по тем или иным обстоятельствам не являются ее клиентами. В качестве иллюстрации автор пишет: «...такая ситуация могла бы сложиться, если бы коренных американцев не вытеснили с их земель и если бы некоторые из них отказались присоединиться к окружающему обществу поселенцев» [10, с. 81]. Этот сюжет маловероятный в известных нам современных условиях, в то время как для естественного состояния он должен быть совершенно обычным делом. Ведь в отличие от государства, которое по праву рождения или крови с той или иной степенью принуждения принимает в гражданство всех на своей суверенной территории, в естественном состоянии, и здесь автор вновь обращается к Джону Локку: никого

нельзя «заставить войти» в гражданское общество. Как же поступить с «независимыми»? Путь изоляции автору представляется затруднительным, да скорее и вовсе неосуществимым. Следовательно, остается вариант конституировать какие-то принципы взаимодействия между клиентами охранного агентства и «независимыми». Автор приводит придуманный Мюрреем Ротбардом умозрительный кейс, суть которого вкратце в том, что в свободном обществе должны быть признаны законными действия индивида, который, убежденный в виновности оппонента, самолично вершит суд. Но если впоследствии окажется, что «осужденный» вовсе не был виновен, преступником окажется тот, кто прибегнул к самосуду [14, р.6–7]. Исходя из такого морального принципа, «независимому было бы разрешено осуществлять принуждение к соблюдению его прав в соответствии с тем, как он их понимает, и со своим видением фактов; а после этого члены защитной ассоциации проверяли бы, не поступил ли он неправильно и не зашел ли слишком далеко... в том и только в том случае, если бы выяснилось, что он неправ, они бы наказывали его или взыскивали компенсацию» [10, с. 82]. И вот в этой точке автор неизбежно подходит к проблеме риска, т. е. того, как мы писали выше, что только еще может случиться, но не обязательно произойдет. Роберт Нозик задается вопросом: а что если будет совершенно нечто, что нельзя компенсировать? Например, возмездие «независимого» приведет к смерти клиента агентства. Вряд ли это такая история, с которой можно разобратся после того, как она случилась. И не значит ли все это, что интервенция в частную жизнь ради недопущения опасного действия морально оправданна? «Чтобы ответить на эти вопросы... необходимо исследовать, каков в условиях естественного состояния моральный статус процессуальных прав и запретов на *опасные* виды деятельности» [10, с. 84].

Как напоминает нам автор, Джон Локк исходит из того, что естественное право заключает тело каждого индивида в своеобразный кокон, который ограничивает действия всех других. В этом случае никакое вторжение внутрь этого кокона не может быть морально оправданно. Но можно ли допустить некоторые послабления в локковском моральном правиле? А что если внутрь кокона можно влезть, заплатив за это его владельцу справедливую компенсацию? А справедлива она тогда, когда восстанавливает status quo. В этом месте Роберт Нозик выдает читателю целую россыпь сложных вопросов, касающихся того, что считать status quo. Не вникая в подробности, резюмируем лишь то, что расчеты справедливой компенсации, учитывая все многообразие возможных кейсов, по своей сложности немногим уступают доказательству теоремы Ферма.

По собственному замечанию автора, последующие рассуждения будут строиться вокруг двух альтернатив: 1) зачем запрещать действия, которые могли бы быть разрешены при условии выплаты компенсации? и 2) почему бы не запретить любое нарушение моральной границы личности, совершенное без согласия последней? В своем абсолютном решении ни та ни другая альтернатива автору не близки. Исполнить запрет так же сложно, как и все компенсировать. Помимо проблемы справедливости компенсации, автор аргументирует изъятие компенсаторного механизма не менее интересными соображениями, которые особенно важны в контексте этического анализа такого сложного явления, как риск-рефлексия. Готовы ли мы испытать гарантированное страдание за такую же гарантированную компенсацию? Роберт Нозик иллюстрирует это следующим примером. Допустим, к некоему *X* обратился бы некто *Y* с таким предложением: «В следующем месяце я, возможно, сломаю вам руку и, если сломаю, заплачу вам 2000 долларов, а если я решу не ломать вам руку, я ничего вам не заплачу», — стал бы *X* считать себя счастливым? Не стал ли бы он после этого, напротив, оглядываться по сторонам, дергаться при каждом резком звуке и мучительно гадать, как и когда на него обрушится боль?» [10, с. 95]. Очевидно, что никакая компенсация не может нас заставить перестать бояться некоторых событий, могущих на нас обрушиться. Если бы эти действия, как, например, нападение на случайных прохожих, не были бы запрещены, паника охватила бы всех. Благодаря этому положению автору удастся провести различие между частным и общественным ущербом. «Частным ущербом является такой ущерб, при котором компенсацию нужно выплачивать только пострадавшей стороне, и люди, которые знают, что получают полную компенсацию, не испытывают страха по этому поводу. Общественный ущерб — это такой, которого люди боятся, даже если они знают, что получают полную компенсацию там и тогда, где и когда деяние будет совершено» [10, с. 95]. Приводимое автором разграничение стоит признать довольно-таки зыбким, ибо, по сути, речь идет о некоей вероятностной переменной. Между тем в этом положении угадываются очертания базовых условий справедливости риска, более чем распространенных в современной нам академической дискуссии, а именно знание и свобода [15]. Очевидной является проблема знания/незнания, т. е. осознанности или неосознанности рискованного поведения. Как справедливо можно заметить, риски могут относиться к непредвиденным обстоятельствам, но не только. В последнем случае можно смело заявить, что риск практически равносителен нарушению, вине. Такой риск может быть обусловлен безрассудством морального субъекта, который идет на риск для себя, или же халатностью, когда программированному риску подвергаются третьи стороны. Второе условие касается свободы, точнее

добровольности риска, исходя из которого, рискованное поведение, когда некто подвергается риску помимо своей воли, скорее будет восприниматься как морально осуждаемое и неприемлемое [16]. В концепции Роберта Нозика это звучало бы примерно таким образом. Если я осознанно и добровольно принимаю риск облучения (крайне маловероятного), устраиваясь работать на атомную станцию или покупая себе дом вблизи нее, мой страх, даже если он есть, не должен быть компенсирован. Но если некто захочет загнать внутрь большого города опытный мобильный реактор, такое действие должно быть запрещено, ибо страх, который будут испытывать горожане, не выбиравшие себе участь жить рядом с несущим риск объектом, ничем не может быть компенсирован.

Согласно автору, «рискованное действие может означать слишком низкую вероятность ущерба для любого отдельно взятого человека, чтобы вызвать у него тревогу или страх». Но что если таких действий будет очень много, столь же многим будет и количество производителей таких рисков? И если всю совокупность рискованных действий, повышающих вероятность ущерба до границы, с которой начинается общественный уровень угрозы, морально оправданно запретить, оправданно ли запрещать отдельное рискованное действие, само по себе не порождающее общественного страха? Здесь автор сталкивается с вопросами, трудно-разрешимыми в рамках естественного состояния. Во-первых, каждое такое рискованное действие нельзя обложить неким налогом в силу отсутствия в естественном состоянии централизованного института сбора, контроля и управления. Во-вторых, призвать на помощь палочку-выручалочку в виде «невидимой руки» в этот раз тоже не получится, ибо, по признанию автора, «механизм, способный этого достичь, пока не описан». Короче говоря, риски бросают серьезный вызов естественному состоянию. И связано это с уже многократно нами подчеркнутой вероятностной природой риска и необходимостью вписать в прокрустово ложе моральное оправдание действия, нарушающего границы одного индивида (производителя риска), для предотвращения вероятного, но все же не предопределенного нарушения границ другого (потребителя риска). Роберт Нозик признает тот факт, что ни одна теория естественного права пока не сформулировала окончательного вердикта в отношении прав в ситуации риска. В отсутствие окончательного вердикта нам пока придется довольствоваться открытым финалом. Точнее, не совсем открытым, ибо автор сводит все возможные реакции на действия, несущие риски нарушения границ индивидов, к трем вариантам:

1. Действие запрещено и наказуемо, даже если компенсация выплачивается за любое нарушение границ, а также в том случае, когда выясняется, что ничьи границы не были нарушены.

2. Действие разрешено при условии выплаты компенсации тем лицам, чьи границы действительно были нарушены.

3. Действие разрешено при условии выплаты компенсации всем тем, кто подвергся риску нарушения границ, вне зависимости от того, были ли действительно нарушены границы этих людей [10, с. 105].

Если переформулировать простым языком, в первом случае запрещаются любые действия, несущие риски, вне зависимости от наступления реальных последствий, во втором — действие разрешено, но любому пострадавшему от них положена компенсация, в третьем случае компенсируется не только реальный ущерб, но и тот страх, или риск-рефлексия, которые вынуждены испытывать индивиды. Третья альтернатива представляется наиболее интересной для дебатов. Тем более автор признает, что в целом третий вариант перекрывает собой второй, а от радикализма первого варианта мы почти отказались еще в начале статьи. В контексте проблемы справедливости дистрибуции рисков размышления автора в этой части чрезвычайно интересны. Не было бы более приемлемым, если бы каждый владел бы равным пакетом рискованных действий. Что-то вроде категорического императива — я имею право подвергать риску тебя, но и ты имеешь то же самое право в отношении меня. Но возможно ли это в условиях развитого разделения труда и соответственно развитого разделения рисков. Автор постулирует высокую вероятность «торговли рисками»: ведь «мир устроен так, что в ходе достижения собственных целей люди зачастую должны подвергать других рискам, которые они не могут взять непосредственно на себя» [10, с. 106]. На первый взгляд, в рамках имплементации третьего варианта, вероятно, можно организовать систему справедливого обмена рисками, но, как замечает автор, она, по всей видимости, будет нести огромные транзакционные издержки, обусловленные необходимостью ее обслуживания. Поэтому должная реализация третьего варианта может оказаться невозможной, а в противном случае оказавшийся по факту децентрализованным свободный рынок рисков вряд ли приведет к справедливой дистрибуции. Второй вариант, если мы его рассмотрим в качестве автономного, несет меньшие издержки, но при этом вновь мы сталкиваемся с дилеммой некомпенсируемого ущерба, ведь, очевидно, мы не можем восстановить status quo убитого человека. По этой же причине в ряде случаев мы не сможем совсем отказаться от первой альтернативы, предполагающей, как мы помним, запрет рискованного действия. Короче говоря, — и это один из основных выводов автора — мы не можем однозначно запретить или разрешить рискованные действия. Выходом может стать контракт между производителем и потребителем риска, заключаемый в ходе переговоров между ними, в про-

цессе которых они могут договориться на любой точке контрактной кривой. И если производитель риска отказывается от выгодных ему, но несущих риски действий, было бы правильно и ему тоже получить компенсацию. Таким образом, речь идет уже не только о дистрибуции рисков, но и дистрибуции компенсаций. Правда, складывается ощущение, что в этой части автору не сильно интересны всякие мелкие технические детали переговоров, как то: как будет происходить признание кого-либо жертвой или производителем риска, будет ли выравняться весьма вероятный дисбаланс между силой сторон, будут ли вовлекаться третьи силы и т. д. Также до конца неясно: должна ли защитная ассоциация принуждать стороны риск-отношений договариваться друг с другом. Но даже без уточнения подобных деталей автор видит разницу между продуктивным обменом, как в обычных рыночных сделках, и переговорами о «воздержании от рискованных действий». «Если я покупаю у вас товар или услугу, я получаю выгоду от вашей деятельности; благодаря ей я становлюсь богаче, чем если бы вы ею не занимались или вообще не существовали... однако, если я плачу вам за то, чтобы вы не наносили мне ущерба, я не получаю от вас ничего такого, чего не имел бы в ситуации, если бы вы вовсе не существовали» [10, с. 115]. Пусть, по словам автора, мы не можем в полной мере считать вторую ситуацию «непродуктивным» обменом, тем не менее подвисает в воздухе вопрос: во всех ли случаях, в принципе, возможен справедливый обмен риском/компенсацией между производителями и потребителями риска? Полагаем, что поиск фундированных ответов на этот вопрос, вместе с дебатами о включении/невключении риск-рефлексии в пакет обмена, можно считать магистральными линиями в дальнейшей дискуссии о морально оправданных принципах дистрибуции рисков.

Литература

1. Hansson, S. O. (2012), A Panorama of the Philosophy of Risk, in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B. V., pp. 27–54.
2. Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage Publ.
3. Vallentyne, P. (2011), Nozick's Libertarian Theory of Justice, in: R. Bader & J. Meadowcroft (eds), *The Cambridge Companion to Nozick's Anarchy, State, and Utopia* (Cambridge Companions to Philosophy, pp. 145–167), Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CCOL9780521197762.010>
4. Nozick, R. (1981), *Philosophical Explanations*, Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
5. Hayenhjelm, M. (2012), What Is a Fair Distribution of Risk? in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision*

Theory, Ethics, and Social Implications of Risk. Springer Science and Business Media B. V., pp. 909–930.

6. Hocker, J., Wilmot, W. (2017), *Interpersonal conflict*, New York: McGraw-Hill Education Publ.

7. Aleinikov, A. V., Sunami, A. N., Shiraev, E. (2021), Risk studies at St. Petersburg State University: From tradition to new challenges, in: *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 37 (4), pp. 657–671. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.407>

8. Robson, G. (2021), The Rationality of Political Experimentation, in: *Politics, Philosophy & Economics*, vol. 20 (1), pp. 67–98.

9. MacLean, D. (2012), Ethics and Risk, in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B. V., pp. 791–804.

10. Позик, Р. (2019), *Анархия, государство и утопия*, М.: ИРИСЭН, Социум.

11. Johnson, K. (1976), Government By Insurance Company: the Antipolitical Philosophy of Robert Nozick, in: *Western Political Quarterly*, vol. 29, iss. 2, pp. 177–188.

12. Локк, Дж. (1988), Два трактата о правлении, в: Локк, Дж. *Сочинения в 3 т.* Т. 3, М.: Мысль, с. 137–405.

13. Francis, M. (1977), A Critique of Robert Nozick's "Anarchy, State and Utopia", in: *Political Science*, 29 (2), pp. 157–170. <https://doi.org/10.1177/003231877702900206>.

14. Rothbard, M. (2006), *Power and Market*. Auburn: Ludwig von Mises Institute.

15. Poel van de, I., Nihlén Fahlquist, J. (2012), Risk and Responsibility, in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B. V., pp. 877–907.

16. Slovic, P. (2000), *The Perception of Risk (Risk, Society and Policy)*, London: Earthscan Publ.

Статья поступила в редакцию 13 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 21 июня 2022 г.

Контактная информация:

Сунами Артем Николаевич — канд. полит. наук, доц.; a.sunami@spbu.ru

Осипов Игорь Дмитриевич — д-р филос. наук, проф.; idosipov@mail.ru

The ethics of risk in Robert Nozick's "Anarchy, the State, and Utopia"*

A. N. Sunami, I. D. Osipov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sunami A.N., Osipov I.D. The ethics of risk in Robert Nozick's "Anarchy, the State, and Utopia". *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 275–291. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.118> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of the ethical concept of risk presented in the central work of R. Nozick "Anarchy, the State and Utopia" (1974) (chapter "Prohibition, compensation and risk" and prerequisites), one of the most influential repre-

---

* The research was funded by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00115 "Risk-reflections in modern Russian conflict management strategies".

sentatives of modern Western political philosophy. Despite the fact that, along with the “A Theory of Justice” by J. Rawls, this work is the most important for the modern Western discourse on the moral foundations of politics, the concept of risk included in it as a necessary element has almost never been the subject of detailed consideration in the domestic research tradition. Referring to modern academic discussion, built around the idea of “risk society” by U. Beck and other risk theories, the authors correlate the key issues of equity in the production and consumption of risks, their distribution, conflict interaction of the parties to risk relations with the R. Nozick’s provisions. The article traces the path traversed by R. Nozick from posing the question of the necessity of the state as such to the moral foundations of prohibition, risk and compensation in a “state of nature”. It examines the possible reactions outlined by the philosopher to risky actions and the collisions of their moral justification. As a result of the analysis, the authors conclude that R. Nozick’s ethical concept of risk allows us to identify some key features, without answering to which it will be impossible to establish morally justified regulators of risk relations: 1) is a fair system of risk distribution possible in principle and compensation; 2) whether it is necessary to include risk reflection in the exchange package, that is, the fear experienced by potential victims of a risky action.

Keywords: political philosophy, moral philosophy, R. Nozick, minimal state, risk, compensation, risk ethics, just risk distribution, risk producer, risk consumer, risk reflection.

References

1. Hansson, S. O. (2012), A Panorama of the Philosophy of Risk, in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B. V., pp. 27–54.
2. Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage Publ.
3. Vallentyne, P. (2011), Nozick’s Libertarian Theory of Justice, in: R. Bader & J. Meadowcroft (eds), *The Cambridge Companion to Nozick’s Anarchy, State, and Utopia* (Cambridge Companions to Philosophy, pp. 145–167), Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CCOL9780521197762.010>
4. Nozick, R. (1981), *Philosophical Explanations*, Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
5. Hayenhjelm, M. (2012), What Is a Fair Distribution of Risk? in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B. V., pp. 909–930.
6. Hocker, J., Wilmot, W. (2017), *Interpersonal conflict*, New York: McGraw-Hill Education.
7. Aleinikov, A. V., Sunami, A. N., Shiraev, E. (2021), Risk studies at St. Petersburg State University: From tradition to new challenges, in: *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 37 (4), pp. 657–671. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.407>
8. Robson, G. (2021), The Rationality of Political Experimentation, in: *Politics, Philosophy & Economics*, vol. 20 (1), pp. 67–98.
9. MacLean, D. (2012), Ethics and Risk, in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B. V., pp. 791–804.

10. Nozick, R. (2019), *Anarchy, State, and Utopia*, Moscow: IRISEN Publ., Sotsium Publ. (In Russian)
11. Johnson, K. (1976), Government By Insurance Company: the Antipolitical Philosophy of Robert Nozick, in: *Western Political Quarterly*, vol. 29, iss. 2, pp. 177–188.
12. Locke, J. (1988), Two Treatises of Government, in: Locke, J. *Works in 3 vols*, vol. 3, Moscow: Mysl' Publ., pp. 137–405. (In Russian)
13. Francis, M. (1977), A Critique of Robert Nozick's "Anarchy, State and Utopia", in: *Political Science*, 29 (2), pp. 157–170. <https://doi.org/10.1177/003231877702900206>
14. Rothbard, M. (2006), *Power and Market*. Auburn: Ludwig von Mises Institute Publ.
15. Poel van de, I., Nihlén Fahlquist, J. (2012), Risk and Responsibility, in: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Peterson, M. (eds), *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B. V., pp. 877–907.
16. Slovic, P. (2000), *The Perception of Risk (Risk, Society and Policy)*, London: Earthscan Publ.

Received: June 13, 2022

Accepted: June 21, 2022

Authors' information:

Artem N. Sunami — PhD in Political Sciences, Associate Professor; a.sunami@spbu.ru
Igor D. Osipov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; idosipov@mail.ru